

1. POST-SCRIPTUM

2. ИЮЛЬСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ЩЕДРИН ОБ ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ

Предисловие Д. Заславского
Комментарии О. Спектора

ОБ ОДНОЙ НАРОДНИЧЕСКОЙ ПУТАНИЦЕ

В щедринской публицистической серии «Недоконченные беседы» статья «Июльские веяния» пользуется наиболее широкой известностью. О ней не раз писали и справедливо называли ее лучшим в русской буржуазно-демократической литературе произведением, направленным против религиозных и национальных преследований в царской России. Значение ее в этом смысле даже шире. Статья не утратила своей злободневности и в наше время, потому что германский фашизм оставил за собой даже царистское черносотенство в диком преследовании евреев.

Статью «Июльские веяния» приводили не раз либеральные защитники Салтыкова-Щедрина и для того, чтобы характеризовать взгляды его на еврейский вопрос и снять с него обвинение в антисемитизме. А выдвигалось это обвинение еврейскими буржуазными националистами и буржуазно-либеральными филосемитами, — их нежные глаза и уши не могли снести той прямоты и резкости, с которыми Салтыков-Щедрин изображал хищническую, рваческую еврейскую буржуазию. Само собой разумеется, что эта сторона вопроса об отношении Салтыкова-Щедрина к евреям представляет всего меньше интереса для нас. Ни в какой адвокатуре Салтыков-Щедрин не нуждается.

Интересна другая сторона вопроса. Статья, которая говорит об отношении Салтыкова-Щедрина к преследованиям евреев, дает очень ценный материал для суждения об отношении Салтыкова-Щедрина к современному ему народничеству. А это вопрос в литературе о Салтыкове-Щедрине недостаточно исследованный, и здесь скопилось немало путаницы, недоразумений и прямой фальсификации. Вот пример, наиболее свежий. В книжке «Народовольческая журналистика» (1930) Дмитрий Кузьмин очень просто зачисляет Салтыкова-Щедрина в сотрудники «Народной воли», опираясь на показание Иванова-Разумника. Мягко выражаясь, это очень смелое преувеличение. Иванов-Разумник утверждает, будто некоторые сведения о «Священной дружине», проникшие на страницы «Народной воли», исходили от Салтыкова-Щедрина. Это возможно, хотя это ничем не доказано. Но то, что со слов Салтыкова-Щедрина, переданных в «Народную волю» через неизвестное число рук, была напечатана информация в статье народовольца Лебедева, еще не дает никакого основания называть Салтыкова-Щедрина сотрудником «Народной воли», то-есть устанавливать непосредственную идеологическую и политическую связь между народовольцами и Салтыковым-Щедриным.

Здесь путаница произведена очень грубо. Поэтому она и не серьезна. Она касается кроме того только информации, которую «Народная воля» могла получить от Салтыкова-Щедрина, но могла получить и многими иными путями. Сие не столь важно. Серьезнее другая путаница, произведенная в той же книжке Дмитрия Кузьмина. Она касается как-раз статьи Салтыкова-Щедрина «Июльские веяния». Дмитрий Кузьмин

выдает ее за своего рода программный документ официального народничества. Чтобы судить о том, как народники, в частности народовольцы, относились к преследованиям евреев, вообще к еврейскому вопросу, надо, как уверяет нас Дмитрий Кузьмин, обратиться к статье Салтыкова-Щедрина. В связи с таким уверением и бесцеремонное зачисление Салтыкова-Щедрина в сотрудники «Народной воли» приобретает дополнительную характерную черточку. В общезнатьи эта черточка известна под именем ловкости рук. Достаточно в действительности познакомиться с подлинной народнической литературой по данному вопросу, чтобы прийти к несомненному заключению: статья «Июльские веяния» говорит о глубочайшем расхождении между народниками и Салтыковым-Щедриным.

Статья Салтыкова-Щедрина написана по поводу антиеврейских погромов, происходивших весной и летом 1881 г. и возобновившихся в 1882 г. Характер этих погромов в наше время не вызывает никаких сомнений. В статье «Мобилизация реакционных сил и наши задачи» старая, революционная, «Искра» писала: «В начале 80-х гг. никакого политического движения народных масс в России не было, налицо было только смутное и совершенно неоформленное брожение темных еще масс крестьянской и городской бедноты, питавшееся материальной нуждой и обострявшееся политическим возбуждением, которое было создано гулом революционной борьбы. Взяв под свою плохую скрытую защиту погромы, правительство графа Игнатьева стремилось окончательно отрезать революционеров от народной массы, с одной стороны, а от либеральной части общества — с другой» (№ 41).

Эта характеристика погромов 1881 г. остается верной и в наше время, и новые материалы лишь дополнили ее некоторыми выразительными чертами. Во-первых, рабочее движение, хотя и делало лишь первые свои шаги, принимало уже и тогда оформленный характер, — оно выражалось и в массовых стачках, и в создании первых классовых организаций. Рабочее движение как-раз резко отличалось от смутного и совершенно неоформленного брожения темных масс крестьянской и городской бедноты. Во-вторых, есть все основания предполагать участие в организации погромов контрреволюционной организации — «Священной дружины».

Вооруженный марксистским анализом глаз без труда вскрыл основные черты в погромах 1881 г. Народничество того времени их не заметило. Оно было ослеплено своими представлениями о крестьянской стихийной социалистической революции, которая должна воспоследовать сама собой после героического выступления революционеров-террористов. Элементы такой социалистической революции народничество искало — и при горячем желании их находило — в смутном и совершенно неоформленном брожении крестьянских и городских масс. Поэтому оно приняло контрреволюцию за революцию. Поэтому и удался помещичье-дворянский реакции ее погромный маневр после 1 марта 1881 г. Запуганная героическим выступлением первомайцев и одурманенная национализмом, либеральная часть общества бросилась в объятия правительства. Антиеврейские погромы лишь в первую минуту (эта минута впрочем длилась свыше года) обрадовали народников-революционеров мнимой своей «революционной стихийностью» и мнимым своим антикапиталистическим характером. Во вторую минуту наступило горькое разочарование. Вера в социализм и революционность крестьянских масс была подорвана. Революционные иллюзии уступили место действительности.

Народники приняли погромную волну, организованную помещичье-дворянской контрреволюцией, за «стихийное революционное выступление». Они не только одобрили погромное преследование евреев, усматривая в нем начало общего выступления крестьянских масс против помещиков и капиталистов, но и призвали к поддержке, к участию в нем. Было выпущено несколько прокламаций в этом духе и напечатано в «Народной воле» несколько статей. Впоследствии в исторической литературе о народничестве была создана невероятная путаница по этому вопросу. Еврейские буржуазные националисты, с одной стороны, обвиняли народовольцев в антисемитизме. Апологеты народничества, с другой стороны, выступали с адвокатской защитой народничества, сваливая всю вину за поддержку погромов на народовольца Герасима Романенко, автора наиболее нагнетавшей погромной прокламации Исполнительного комитета «К украинскому народу».

Этот Романенко закончил свою публицистическую карьеру в роли и звании заслуженного царского черносотенца и погромщика.

Вопрос об антисемитской струе в народничестве несравненно более сложен, чем это представляется апологетам народничества. Сводить все дело к одному Герасиму Романенко — скверный адвокатский прием, достойный мелкобуржуазной публицистики. Положение не улучшается, если пристегнуть к Романенко не менее его достойных Льва Тихомирова и Дегаева. Можно откинуть всю эту компанию, и все же остается неизблемым положение: народничество в своих официальных документах, в статьях и в прокламациях выражало одобрение еврейским погромам, усматривая в них начало общего стихийного революционного выступления, направленного против помещиков и капиталистов. Это относится не только к «Народной воле», но и к «Черному переделу», и к украинским мелкобуржуазным социалистам. И дело здесь совсем не в антисемитизме народничества. Вопрос об антисемитизме можно оставить в стороне. Сочувствие погромам выражали и еврей-народники.

Дело здесь именно в народничестве, в той мелкобуржуазной, мещанской идеологии, которая в обстановке спада революционной волны не дала возможности революционерам разобраться в важнейших политических событиях. Идеализация крестьянской отсталости и ограниченности толкнула и на идеализацию неожиданного по своим формам выступления. Неумение разбираться в классовых отношениях заставляло во всей еврейской массе видеть одинаково шарод эксплуататоров, народ сплошь из торгашей. Глубоко вкоренившиеся отрицательные отношения к политической, организованной, массовой борьбе не давало возможности рассмотреть политическую контрреволюционную организацию всего погромного движения. Правительство Игнатьева действительно оказывало «плохо скрытую защиту» погромщикам. Но и этой плохо скрытой помощи не заметила «Народная воля». Напротив, некоторые народники в литературных выступлениях упрекали правительство в том, что оно мешает погромщикам выполнять свое дело — громить капиталистов и помещиков. В этом был и некоторый резон, потому что и правительство, со своей стороны, испугалось, как бы погромное движение, начатое как контрреволюционное средство расправы, не перебросилось совсем в другую сторону. Организовав погромы, правительство выступило в качестве стража «порядка».

Погромное движение было принято за революционное стихийное выступление всем народничеством. Но были и различные оттенки в народническом лагере. В чернопередельском «Зерне» и в некоторых местных прокламациях было указано на то, что еврейство не представляет собой чего-то единого, и громить надо только богатых евреев, а трудящуюся еврейскую бедноту бить не следует. Прокламации заканчивались призывом бить всех богачей, капиталистов и помещиков, независимо от национальности и веры. В «Народной воле» эта попытка провести классовое деление среди еврейства как-раз всего меньше представлена. Только однажды, и то мимоходом, «Народная воля» поставила вопрос о том, в какой мере погромное движение совместимо с революционными приемами действия. Вот ответ в № 6 «Народной воли»: «По поводу еврейских погромов многие интересовались ролью, которую мы, социалисты-революционеры, оставляем за собой при подобных народных расправах. Во имя гуманности тяжело отвечать на это, но ответ сам по себе ясен.— Помните у Тэна одну сцену из французской революции? К трупам женщины, только что задушенной разъяренной толпой, бросается один из убийц, распарывает ей грудь, вырывает сердце и в исступлении впикивает в него зубами. Потрясающие сцены.— Но неужели Робеспьер, Дантон, С.-Жюст и Демулен, в виду крайностей разъяренного притеснениями народа, должны были отказаться от своей роли и своей обязанности в истории Франции?»

Замечательна эта ссылка мелкобуржуазного демократа на реакционнейшего историка Французской революции, задачу свою в том и видевшего, чтобы оболгать в интересах буржуазной контрреволюции всех деятелей и героев революционного якобинства. Но и помимо этого ни одного слова не нашлось у публициста «Народной воли» для отделения еврейской буржуазии от еврейских трудящихся масс. Таких слов и не могло найтись, потому что классовая точка зрения в национальном вопросе была глубоко чужда революционному народничеству, — в особенности послемартовскому, быстро обливяше-

му. Повторяем, не в антисемитизме тут дело. Антисемитская струя, отрицать которую для некоторых видных представителей народничества совершенно невозможно, была только производной величиной от общей позиции народничества в национальном вопросе.

В статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин писал о том, что «народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось позади по сравнению с «просветителями» (т. II, стр. 330). Национальный вопрос надо отнести к числу таких важнейших вопросов. В другом месте мы более подробно занялись этим (см. нашу книгу о М. П. Драгоманове). Здесь достаточно указать, что и по вопросу о независимости Польши, и по украинскому вопросу, и по еврейскому народничеству 70-х годов сделало шаг назад в сравнении с «просветительской» буржуазной и мелкобуржуазной демократией 60-х годов. «Народная воля» вынуждена была уже в свое время обороняться против обвинений такого рода, и вот что она писала в № 8—9: «Нередко говорят, будто партии «Нар. воли» присуще пренебрежение местными особенностями русских окраин, стремление подчинить остальные народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольство как социалистическая партия чуждо каких бы то ни было национальных пристрастий и считает своими братьями и товарищами всех угнетенных и обездоленных без различия происхождения; что пользоваться племенной враждой, а тем более раздувать ее — вовсе не входит в наши планы; что мы не сделаем подобного шага, как бы ни была велика ожидаемая от того временная выгода для партии».

«Народная воля» видела таким образом, что правительство раздувает погромами «племенную вражду», и даже признавала, что это приносит «временную выгоду» партии. В противоречии со своими статьями, корреспонденциями и прокламациями она отрицала использование этой «временной выгоды», но уж во всяком случае она не считала необходимостью борьбу с этой раздуваемой «племенной враждой», оставившей по себе след не только трупами убитых евреев, не только разгромом имущества как-раз еврейской бедноты, но и глубокой деморализацией всего революционного движения, да и вообще всего общества. Мы могли бы привести здесь обращения рабочих Харькова, которые категорически протестовали против погромов и отбрасывали от себя обвинение в участии в них как в деле «позорном». Мелкобуржуазным демократам эта сторона дела оставалась чуждой.

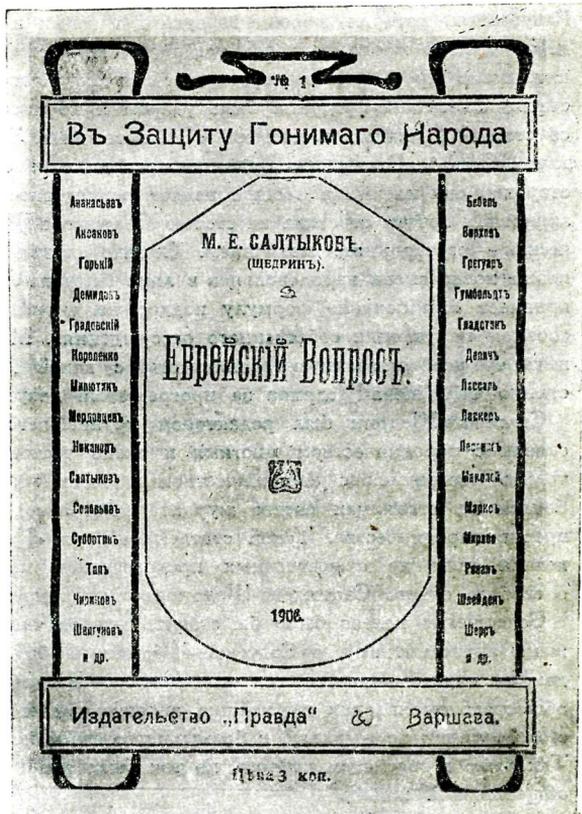
Снова повторяем, совсем не в том тут дело, что народниками владело чувство «племенной вражды» к евреям. Подавляющее большинство народников не было антисемитами. Но из народнических своих посылок исходя, они целиком принимали антисемитскую концепцию еврейского вопроса. Они говорили об евреях как о сплошной массе торгашей, ростовщиков, паразитов. Они говорили о пресловутой «еврейской сплоченности». Они говорили о сплошной ненависти всего украинского крестьянства ко всем вообще евреям как к эксплуататорам. Народническая литература этого времени никак не могла дать отпора бешеной антисемитской погромной травле правительственных листов — «Нового времени», «Киевлянина» и т. п., потому что представление об еврейских массах у большинства народников было такое же, как у антисемитской буржуазии, и не случайно «Народная воля» сочувственно цитирует «Киевлянина» и заимствует из него материалы о погромах. И на этой же позиции стояли «Отечественные Записки» — легальный орган передового народничества, и в статье Южакова «Еврейский вопрос в России», напечатанной еще до погромной волны, точно так же говорится о «замкнутости, отчужденности, общей междуеврейской солидарности, жестоком отношении евреев к неевреям». Классовая точка зрения отсутствует полностью, хотя классовая дифференциация среди евреев была уже очень заметна в это время и капиталистическая еврейская буржуазия резко отличалась от нищенствующей массы еврейских ремесленников, чернорабочих и всякой бедноты, мельчайшей уличной торговлей заполняющей вынужденную свою безработицу.

* * *

Вот в таких условиях и появилась знаменитая статья Салтыкова-Щедрина на страницах главного легального органа народничества. Она с чрезвычайной силой ставила

ОБЛОЖКА ОБЩЕДОСТУПНОГО
ИЗДАНИЯ СТАТЬИ ЩЕДРИНА
«ИЮЛЬСКИЕ ВЕЯНИЯ»

Брошюра вышла в серии «В за-
щиту гонимого народа», изд.
«Правда», Варшава, 1906 г.

вопрос о преследованиях евреев как о черном деле правительственной и общественной реакции. Салтыков-Щедрин связывал погромы непосредственно с «внутренней политикой», антисемитизм — с новым, откровенно-националистическим, «игнатьевским» курсом. Собственно, как и указывал Салтыков-Щедрин, это был не новый курс. Воинствующий национализм, украшенный славянофильскими перьями, был отличительной чертой реакции и в прежнее время. Но не случайно еврейские погромы разразились именно тогда, когда вершителем политики призван был граф Игнатъев, один из виднейших представителей казенного славянофильства. С вступлением на престол Александра III была провозглашена новая эра — «народной политики». О ней и говорил язвительно Салтыков-Щедрин: «Вот эта-то «народная политика» и взялась покончить с еврейским вопросом. Она всегда и за все бралась с легкостью удивительной. И «ключей» требовала, и Босфору грозила, и в Константинополе единство касс устроить собиралась, и на кратчайший путь в Индию указывала». Это было прямое и по обстоятельствам того времени чрезвычайно смелое указание на участие правительства Игнатъева в защите еврейских погромов. Конечно эта защита была, как сказано, «плохо скрыта». Но все значение статьи Салтыкова-Щедрина было в том, что он вскрывал ее, находясь в народническом лагере, а вскрывши, указывал чуть ли не прямо пальцем на виновника погромов — правительство.

И со всей силой своей публицистической страсти Салтыков-Щедрин обрушивался на погромный антисемитизм, на разжигание националистических страстей. С удивительной для своего времени трезвостью Салтыков-Щедрин решительно отказывался видеть в погромах элементы революционного, прогрессивного выступления, элементы какого-то стихийного «социалистического» сознания. Своей статьей Салтыков-Щедрин бил по реакционному, по правительственному, по дворянско-помещичьему и реакционно-мещанскому лагерю. Он обличал людей, стоящих у власти, и всякого рода Деруновых и

Разуваевых, которые в роли городских гласных и представителей мещанских обществ действительно мобилизовались тогда для поддержки графа Игнатьева и засыпали правительство просьбами о повсеместном и поголовном выселении евреев. Но косвенно статья Салтыкова-Щедрина была ударом и по народничеству. Она шла прямо вразрез со статьей Южакова в тех же «Отечественных Записках» и со статьями «Народной воли». Статья Салтыкова-Щедрина подходила к еврейскому вопросу совсем с иной стороны, она клеймила вообще всякое религиозное и национальное преследование. Реакционная печать ответила на статью Салтыкова-Щедрина озлобленным лаем. Народническая — растерянным молчанием. Однако статья своей цели достигла, и несколько позже новая смена народолюбцев в лице Германа Лопатина в «Народной воле» (№ 10) признает «ошибочной» формулу поддержки антиеврейских погромов и говорит даже о «помутнении собственного рассуждения». Мы можем теперь по достоинству оценить ту необыкновенную развязность, с какой Дмитрий Кузьмин пытался выдать статью Салтыкова-Щедрина за программный документ народничества.

Салтыков-Щедрин был редактором крупнейшего народнического журнала. Он был связан с народничеством многими и очень тесными нитями. Но он вместе с тем не только расходился с народничеством в очень многих важнейших вопросах, но и не боялся на страницах своего журнала выступать со статьями, прямо направленными против народничества. Такой статьей были и «Июльские веяния». Эта статья критиковала один из существенных предрассудков народничества, чем свидетельствовала о свободе самого Салтыкова-Щедрина от этих предрассудков.

Совершенно нелепо было бы ставить вопрос так: вот, мол, народники были подвержены антисемитизму, а Салтыков-Щедрин не был подвержен. Единственно важным в данном случае является то, что Салтыков-Щедрин мог рассмотреть и рассмотрел в общественном явлении важнейшие, характерные его черты, а народники, в том числе и его соратники по журналу, в большинстве своем не рассмотрели и не могли рассмотреть. Так было в еврейском вопросе, но так было и в некоторых других важнейших вопросах общественной жизни.

Как указывал Ленин, народничество сделало крупный шаг вперед в сравнении с передовой буржуазно-демократической мыслью 60-х годов, поставив и теоретически и практически вопрос о судьбах и путях капитализма. Но народничество сделало шаг назад в сравнении с «просветителями»-шестидесятниками, дав ложное, реакционно-романтическое, фальшиво-сентиментальное решение этого вопроса. Идеализация отсталой деревни застигла глаза народничества и лишила его возможности разбираться в классовых отношениях и в деревне, и в городе. Отсюда и тот тупик, в который попало народничество, и то «помутнение собственного рассуждения», в котором откровенно сознался Лопатин.

Салтыков-Щедрин проделал вместе с народничеством его движение вперед, но он никогда не принимал народнического решения вопроса о судьбах капитализма и поэтому оказался далеко впереди всего народничества. Он не смотрел на крестьянство через фальшивые народнические очки и поэтому не лишен был способности критического отношения к «стихийным» выступлениям. Салтыков-Щедрин в народническом лагере оставался в значительной мере прежним представителем прогрессивной «просветительской», радикально-демократической мысли. Одна из характерных черт русского «просветительства» — это, по словам Ленина, «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России». Вот эта черта просветительства и сказалась в Салтыкове-Щедрине, когда он с такой сердечной силой, с таким пламенным протестом выступил против варварских погромов, против дикой расправы с целым народом, против возведения в культ народной тьмы и отсталости.

Там, где народники видели только пробуждение «социалистических», антикапиталистических настроений масс крестьянской и городской бедноты, Салтыков-Щедрин различал прежде всего приложение на практике правительственной, помещичье-дворянской «народной политики», подлейшую демагогическую игру, имевшую целью политически и морально разбить революционное движение. Народники видели революцию

там, где ее не было. Салтыков-Щедрин различал контрреволюционную политику в погромной постановке еврейского вопроса и связывал воедино антисемитскую травлю и «оздоровление корней». И при этом он был бесконечно далек от либерально-буржуазного филосемитизма и не впадал в ошибку буржуазной печати, спешившей взять под свою защиту вместе с еврейской беднотой и еврейскую капиталистическую буржуазию, расписывавшей великие достоинства и добродетели «еврейского духа», «еврейской морали» и т. п. Салтыков-Щедрин и в этой своей статье, как в других произведениях, сатирически бичевал еврейских капиталистов, но тут же показывал, что так называемая «еврейская эксплуатация» — это явление не национального, а классового порядка, и еврейский Дерунов отличается от истинно-русского только чисто внешними и мало существенными чертами.

Салтыков-Щедрин знал, что идет против народнического течения в этом вопросе, и его статья содержит скрытую полемику с обычными народническими установками. В этом отношении интересны печатаемые здесь варианты статьи. Они отражают спор, который Салтыкову-Щедрину приходилось вести с народниками, а может быть и с самим собой. Некоторые аргументы народничества казались внешне убедительными. Их надо было отвести. Надо было обязательно преодолеть некоторые вкоренившиеся народнические предрассудки, и поправки, которые вводил Салтыков-Щедрин в первоначальный текст своей статьи. В особенности смущал Салтыкова-Щедрина обычный аргумент о сплоченности всего еврейства, делающей еврейство особой и замкнутой силой. Мы видели этот аргумент у Южакова. Либерально-буржуазная печать, в частности русско-еврейская, просто отрицала этот факт. Это скрывало в себе либеральную апологетику, адвокатскую защиту еврейства, неприемлемую для Салтыкова-Щедрина. Он различал классовые деления в современном еврействе, он проводил грань между «евреем сосущим» и «евреем не-сосущим», но в то же время он не мог не видеть какую-то национальную связь между этими двумя категориями еврейства. И он писал: «Почему же мы однако с такой легкостью отождествляем еврея сосущего с евреем не-сосущим, почему мы так охотно вымещаем на последнем досаду, которую пробуждает в нас первый? Не потому ли, что сосущий еврей есть сила, за которой скрывается еще сила, и даже не одна, а целый легион? Весьма вероятно, что в этом предположении есть очень значительная доля правды, хотя это и не приносит особой чести нападающей стороне».

Салтыков-Щедрин остановился перед этим кажущимся противоречием, не находя ответа. Но то, что наблюдал Салтыков-Щедрин в еврейской жизни и что носило название «еврейской сплоченности», было закрепощением еврейских трудящихся масс, всей еврейской бедноты у капиталистической буржуазии и ее агентов — раввинов, было проявлением национализма, следствием той темноты и отсталости, в которой еврейская буржуазия сознательно держала еврейские массы. Погромная политика царского правительства и антисемитизм буржуазии поддерживали искусственно культивируемое еврейскими буржуазными националистами недоверие еврейских трудящихся масс ко всему нееврейскому миру. Своим выступлением в защиту еврейских погромов народники немало способствовали и со своей стороны росту такого националистического недоверия. Здесь один из источников усиления сионизма. Национальная политика революционного пролетариата направлена на уничтожение националистического недоверия угнетенных при царизме народов путем развития интернациональной пролетарской солидарности, теснейшего сплочения трудящихся всех национальностей в единой борьбе против капиталистов, помещиков, кулаков.

Мы не можем требовать от Салтыкова-Щедрина такого понимания национального вопроса, какое дается марксизмом-ленинизмом. Достаточно того, что в этом вопросе Салтыков-Щедрин стоял несравненно выше, ушел несравненно дальше вперед, чем его современники-народники. Радикально-демократическое просветительство было сильной стороной его статьи, хотя оно было в 80-е годы уже отсталой стороной в деятельности Салтыкова-Щедрина. В сущности Салтыков-Щедрин не ушел вперед. Он оставался на старых позициях в этом вопросе, в то время как народники сделали шаг назад и в сторону. Опередив народников, Салтыков-Щедрин в то же время в этом

вопросе не приблизился к марксизму, который уже стучался в ворота русской передовой общественности. Статья «Июльские веяния» показательна и в этом отношении. То, что Салтыков-Щедрин говорит в статье об евреях богачах и евреях трудящихся и проводит классовые деления там, где народники видели одну сплошную буржуазную массу, — ничего еще не говорит о приближении Салтыкова-Щедрина к марксизму. Он критикует народничество в этом вопросе с позиций старого, радикально-демократического просветительства. В этом нетрудно убедиться, сопоставив статью «Июльские веяния» с знаменитой статьей Маркса «К еврейскому вопросу». Как и Бруно Бауэр, Салтыков-Щедрин ставит весь вопрос «на голову». Он ищет тайну особого положения еврея в современном обществе в особенностях религиозного и национального характера. Он находит выход по Бруно Бауэру — в «духовной эмансипации» всего общества от религиозных и национальных предрассудков. Маркс, напротив, выводил особое положение еврейской религии и еврейского народа из классовых особенностей капиталистического общества и решение еврейского вопроса видел в эмансипации общества от буржуазии. Октябрьская революция блестяще подтвердила на практике этот теоретический анализ и прогноз Маркса.

Д. Заславский

1. POST-SCRIPTUM ¹

Начну с вопроса — еврейского ².

По моему мнению — корень этого вопроса — в темпераментах. Темпераменту русскому претит прежде всего внешний вид еврея. Все-то он движется, все-то он высматривает и все что-то жует и сосет.

— Что, еврей, сосешь?

— Музицка шашу.

Ужасно это сердит. Мужичка сосать не диковина: и Колупаев, и Разуваев, и Дерунов — все сосут. Но они сосут и в то же время «человеком» делают. Стало быть есть тут и воспитательная цель.

— Я тебя сосу, — говорит Дерунов, — да я же тебя и «человеком» сделаю!

И точно. Стоит только выдержать эту воспитательную практику — и «человек» готов. Сначала Дерунов называет его «крестником», потом начинает шутить, что, мол, «на одном солнце онучи сушили», а потом, смеет, крестник уже и сам начинает, благословясь, поцеловать Дерунова. Словом сказать, процесс сосания идет здесь «по-милу», «по-божецки» и никогда так, чтобы совсем без остатка. «Ты за меня, я за тебя, а бог за всех — так-то, милый друг!» «Точно так, Ваше степенство!» Разумеется, выдерживали многие, но тут уж Разуваев не виноват.

— Я все силы-меры употреблял, чтобы его «человеком» сделать, — говорит Разуваев, — ан из него вышел пентюх [не прок?].

Пентюх! но кто же об пентюхах говорит!

Напротив того, еврей никаких воспитательных целей в виду не имеет, именно «человеком» сделать не намеревается. Он просто возьмет «музицка» двумя пальцами, пососет и скорлупку выбросит. Потом возьмет другого «музицка» — и опять выбросит скорлупку. Когда же скорлупок наберется достаточно, он соберет их в кучу и продаст.

Никакого разговора «по душе», «по-милу» при этом не происходит. Одна только оговорка: «шашу мене, ежели [хочешь] [можешь]!

— То-то, Давид Саулыч, что не изловчились еще мы!

— А коли ты не можешь, так я тебе шашу!

И дело с концом.

Но кроме «божецких разговоров» есть и еще разница между Деруновым и евреем. Дерунов обыкновенно выходит на промысел в одиночку. Жена его в это время «гуляет», а дети воспитываются в пансионах, с тем

Main body of handwritten text in Russian, consisting of several paragraphs. The text is dense and appears to be a continuation of a letter or a document. It contains various phrases and sentences, some of which are partially obscured by the annotations on the left.

Ваше письмо

Ваше письмо

Ваше письмо

Ваше письмо

Ваше письмо
Ваше письмо
Ваше письмо

Ваше письмо

Ваше письмо

Ваше письмо
Ваше письмо
Ваше письмо
Ваше письмо
Ваше письмо

чтобы из них вышли «добрые господа». Напротив того, еврей сосет [зачеркн.] целым родом. Не только он, старый Давид, но Рифка и Рохля, и Йосель, и Ицек и Элья — все жуют и скорлупки выплевывают. Как хотите, а это обидно. И никто из этих сосущих и жующих прожованного не отдаст [?]. А в довершение всего никогда он сыт не бывает, а громадное большинство детей редко в довольстве живет. Потому что едва только начнет еврей порядком насасываться — сейчас его к капитану-исправнику: а ну, показывай, жид, что у тебя в потрохах есть? Посмотрит капитан-исправник, посмотрит заседатель — много ли останется?

Только и всего.

Разумеется, частенько-таки выискиваются и такие молодцы, которые несомненно на пользу сосут, но такие удачники обыкновенно бегут из «своих мест» в большие центры и там заканчивают свое поприще в виде банкиров, железнодорожников, а прежде в виде откупщиков.

Вот по ним-то и составилось мнение о еврейском благоденствии.

...Всякого рода запутанности, которые с течением времени настолько обострились, что далее оставаться не разрешенными быть не могут...

...Нет ничего бесчеловечнее...

...Но это бесчеловечие явится еще более осязательным, если припомнить, что нет на свете вещи более общедоступной, как предание, и что, следовательно, это последнее прежде всего становится достоянием толпы, и без того обезумевшей под игом собственного злосчастия. Именно такого рода характер имеет предание, наложившее клеймо отчуждения на еврейское племя. Когда я думаю о положении, созданном образами и стонами старой легенды, которая преследует евреев из века в век на всяком месте, — право, мне кажется, что я с ума схожу. Сдается, что зияет безграничная и бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и в этой пропасти мучится человек, у которого отнято все, даже право на смерть.

Ни один человек... не найдет в себе столько творческой силы, чтобы...

Вы скажете, может быть... театры, будуары самых дорогих кокоток кипят веселыми семитами, которые удивляют мир расточительностью и нелепою привередливостью своих требований и вкусов. Да, таких субъектов достаточно (мы даже почти их одних и знаем), но ведь это уже не евреи, а просто тати, члены того международного общества татей, в которое каждая национальность приносит свой вклад. Еврейского в них только некоторые ухватки, которые несколько более резки, нежели ухватки француза, немца, итальянца, но в обществе татей всякие ухватки легко утопают в пучине всевозможных интернациональных утонченностей. Однакож я убежден, что даже и подобные личности имеют свои бесконечно горькие минуты. И в обществе татей предание от времени до времени напоминает о себе, а в особенности говорит оно в минуты, подобные тем, которые мы не так давно пережили. Даже во сне, находясь в постели, купленной на всемирной выставке, увидеть себя евреем — этого достаточно, чтобы заставить человека в ужас метаться и посылать бессильные проклятия судьбе. Между всем тем, хотя вся жизнь еврейского племени есть не что иное, как организованное мучительство, все-таки евреи живут. В чем заключается тайна этой живучести — это вопрос очень трудный. Одни объясняют живучесть евреев надеждой на отмщение, другие — мудростью, третьи — просто привычкой. Я думаю, что главную роль в этом играет то обстоятельство, что евреи составляют сильное и многочисленное племя, а племя никогда добровольно не накладывает на себя рук.

Уничтожить силу предания или даже ослабить ее — задача настолько запутанная, что только [легкомысленные] очень простодушные люди бе-

руются с легким сердцем за ее осуществление. Предание наслоилось и внедрялось веками, и каждое новое предание прибавляло к нему новую лишнюю суровую черту. Даже поднятие общего уровня образованности едва ли принесит ощутительные улучшения, потому что мы можем рассчитывать только на относительное поднятие этого уровня, которое не обладает достаточной силой для борьбы. Современная Германия с ее резким антисемитским движением представляет этому вполне наглядное доказательство. Чтоб упразднить предание, необходимо, чтоб человечество окончательно очеловечилось, а когда это произойдет? Во всяком случае, это новая мучительная перспектива, которая стоит перед еврейским племенем.

2. ИЮЛЬСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ⁴

[Вы чересчур уж требовательны, милая тетенька! Засыпали меня вопросами. С чего поднялась суматоха с евреями? Что означают текущие административные перемены? Что такое происходит в Египте? и проч. Все-то Вы хотите знать и на все требуете ответа. Даже поступок околоточного, который на днях убил на Петербургской стороне купца,— и тот интересует Вас. Не замешалась ли тут внутренняя политика? спрешиваете Вы: каких вообще дальнейших поступков по этому поводу следует ожидать?]

На дворе июль; Петербург опустел и наполнился смрадом. С «вопросами» — тихо, даже еврейский вопрос ⁵ — и тот вдруг словно изныл... Но все-таки где-то еще скребут перьями ⁶, и чуется, что это не к добру. Ну что бы стоило сказать: оботрите перья, спрячьте бумаги в ящики, закройте на ключ и бегите куда глаза глядят! — как бы все вдруг оживилось! — так нет, стало быть, время еще не пришло. А тут, вдобавок, еще дернуло околоточного две души на Петербургской стороне загубить! Думаешь, нет ли тут внутренней политики и не отразится ли это происшествие на русской литературе, яко попустительнице и укрывательнице?

Поговорим лучше об евреях. Хоть нынче с этим вопросом, как я уже сказал, и хорошо [?], но, право, и теперь, как вспомнишь о том, что было месяца три-четыре тому назад, мороз по коже подирает.

Не так давно и в печати и в обществе в большом ходу были толки о «народной политике» и о практическом ее применении ⁷. «Народная политика» — вовсе не такое выражение, которое для кого бы то ни было представлялось загадочным, у всех народов оно имеет соответствующий термин. Означает она такую правительственную систему, в результате которой является: народное благосостояние, народная слава [?], вообще физический и духовный рост народа ⁸. Ничего проще и вразумительнее не может быть. К сожалению, у нас не так ⁹. У нас «народная политика» означает, во-первых, «жизнь духа», во-вторых, «дух жизни» и в-третьих, «оздоровление корней». Или, говоря другими словами: мели, Емеля, твоя неделя.

Вот эта-то «народная политика» и взялась покончить с еврейским вопросом. Она всегда и за все бралась с легкостью изумительной. И «ключей» требовала, и Босфору грозила, и в Константинополе единство касс устроить собиралась, и на путь в Индию указывала. И все-вотще ¹⁰. Еслиб она меньше хвасталась, не так громко кричала, собираясь на рать, поменьше говорила стихами и потрезвее смотрела на свою задачу — может быть, она чего-нибудь и достигла бы. Но она хочет «дарданеллы» вперемежку с «жизнью духа» и «оздоровлением корней» ¹¹ — понятно, что ни «ключи», ни проливы ей не даются, как клад. И вот после целого ряда проказ по части «оздоровления корней» и по части «проливов» подвергается еврейский вопрос.

Читали ли Вы когда-нибудь сказку о «Диком помещике»? Содержание

ее очень незамысловатое. Помещик¹², начитавшись росказней о белой кости и алой крови, взмолился богу, чтоб он освободил его от мужика. «Об одном прошу, вопиял он, чтоб у меня во владениях мужичьим духом не пахло!» И бог внял мольбам неразумного помещика (конечно, чтоб впоследствии он сам понял свое неразумие): в одно прекрасное утро поднялся вихрь и в глазах помещика унес из его владений весь мужичий рой...

Какие плоды вкусил помещик от мужичьего исчезновения — это сюда не относится. Но, повидимому, легенда о легком исполнении помещичьих желаний увлекла наших «народных политиков»¹³. Вдохновляясь ею, они стали желать, чтоб тот же самый процесс повторился и над евреями. Да и как было не соблазниться примером! Не нужно думать ни о [зачеркн.] правах, ни об интересах, ни о каких бы то ни было пертурбациях — просто, как говорят дети: киш полетели, на головку сели¹⁴. И точно вихрь поднялся, но тут случилось нечто совсем неожиданное: улетели сами «народные политики», а евреи остались¹⁵.

Повторяю: употребляя выражение «народная политика», я вовсе не имел желаний издеваться над ее значением по существу. Я имею в виду только ореол [?], которым его окружают официальные монополисты народолюбия¹⁶.

Евреи остались, но вместе с тем остался и еврейский вопрос.

История человечества никогда не выдвигала на страницах своих вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного [нрзб.]. История человечества вообще есть бесконечный мартиролог, но в то же время она и бесконечное просветление. В сфере мартиролога еврейское племя занимает первое место, в сфере просветления — оно стоит в стороне, как будто окончательные перспективы истории вовсе до него не касаются. Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого конечного истязания человека человеком. И история, которая для самых загадочных уклонений от света к тьме находит соответствующую поправку в дальнейшем ходе событий — излагая эту скорбную повесть, перед собственными письменами [?] останавливается в бессилии и недоумении. [Две строки зачеркнуты.]

Очевидно, что в ненормальном положении еврейского вопроса играют существенную роль всякого рода запутанности, которые с течением времени не только не смягчаются, но даже как будто больше и больше обостряются. В числе этих запутанностей главное место занимает предание, давно уже утратившее смысл, но доселе не утратившее своей живости, неосознанные капризы расового темперамента и во-вторых, полное незнание с [нрзб.] массой еврейского племени [представителями которого выдают себя индивидуумы, действительно не возбуждающие симпатий]¹⁷.

Нет ничего бесчеловечнее и безумнее предания, выходящего из темных ущелий далекого прошлого для того, чтобы с жестокостью, доходящей до идиотского самодовольства, из века в век переносить клеймо позора, отчуждения и ненависти. Не говоря уже о непосредственных жертвах предания, замученных и обесславленных, оно извращает целый цикл общественных отношений и на самую историю налагает печать изуверской одичалости. Но бесчеловечие явится еще более осязательным, если припомнить, что на свете нет вещи больше общедоступной, как предание, и что, следовательно, последнее, прежде всего, становится достоянием толпы, и без того уже обезумевшей под игом собственного злосчастия. Именно такую общедоступностью обладает предание, поразившее отчуждением еврейское племя. Когда я думаю о положении, созданном образами и стонами исконной легенды, преследующей еврея из века в век на всяком месте, — право, мне сдается, что я схожу с ума. Кажется, что за этой легендой зияет безграничная и бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и в этой про-

РИСУНОК А. ЛЕВЕДЕВА НА
ЩЕДРИНСКУЮ ТЕМУ
Из серии «Язык причесок»
в «Осколках» 1880-х гг.

А ЛА РАЗУВАЕВЪ и КОЛУЦАЕВЪ.

Новѣйшій российский «рукъ». Благочестивъ,
но большой любитель мушкетякъ кармановъ.
Изъ «мальчишекъ», но «кандидатъ въ столы»...

пасти агонизирует целая масса людей, у которых отнято все — даже право на смерть.

Ни один человек в целом мире не найдет в себе столько творческой силы, чтобы представить себя в положении этой неумирающей агонии, а еврей родится в нем. Стигматизированный он является в свет, стигматизированный агонизирует в жизни и стигматизированный же умирает. Или, лучше сказать, не умирает, а видит себя и по смерти бессрочно стигматизированным в лице детей и присных своих. Нет выхода из этой кипящей смолы, нет перспектив в будущем, кроме зубовного скрежета. Что бы еврей ни предпринял, он всегда остается стигматизированным. Делается он христианином — он не христианин, а выкрест, остается при иудействе — он пес смердящий. Можно ли представить себе мучительство более безумное, более омерзительное? ¹⁸ Мне скажут, быть может: однакож, мы видим, что промышленные центры переполнены евреями, которые нисколько не стесняются своим еврейством. Биржи, рестораны, театры, будуары самых дорогих кокоток — все это кишит веселыми семитами, которые удивляют вселенную наглою расточительностью и нелепою привередливостью своих прихотей и вкусов. Да, таких субъектов существует достаточно (мы их-то одних и знаем), но ведь в них еврейство играет уже далеко не существенную роль. Это обыкновенные тати, члены той международной аффилиации татей, в которую каждая национальность вносит свой посильный вклад ¹⁹. Об еврействе в этих людях говорят только некоторые ухватки ²⁰, несколько более резкие, чем у француза, англичанина, немца, но ведь в обществе татей всякие ухватки ступеньваются в пучине всевозможных интернациональных утонченностей. Тем не менее можно сказать с уверенностью, что даже подобные личности по временам испытывают бесконечно горькие минуты. Даже в обществе татей предание, хоть и не особенно часто, но напо-

минает—таки о своей живучести, особенно же [громко оно говорит] в минуты, подобные тем, какие мы не так давно пережили²¹. Даже во сне, покаясь на постели, приобретенной на всемирной выставке²², увидеть себя евреем — и этого достаточно, чтобы заставить человека метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе.

Но хотя вся жизнь еврейского племени есть не что иное, как организованное мучительство, евреи все-таки живут. Какая загадка таится за этим фактом — это вопрос очень трудный для разрешения. Одни объясняют еврейскую живучесть надеждой на отмщение, другие — мудростью, третьи — просто привычкой. Сдается однакож, что тут главную роль играет тот общечеловеческий закон самосохранения, в силу которого целое племя²³ никогда добровольно не накладывает на себя рук.

Как бы то ни было, но уничтожить силу предания или даже ослабить ее — задача настолько запутанная, что только люди очень простодушные или очень хвастливые берутся с легким сердцем за ее выполнение²⁴. Предание наслоилось и внедрялось веками, и каждое новое наслоение прибавляло к нему новую жестокую черту²⁵. Даже поднятие общего уровня образованности не приносит в этом вопросе осязательных улучшений, потому что [мы можем рассчитывать] до сих пор мы были свидетелями только относительного поднятия этого уровня, которое не обладает достаточной силой для водворения принципа абсолютного [справедливости] равновесия. По крайней мере современная Германия со своим резким антисемитским движением представляет этому вполне наглядное доказательство. Чтобы упразднить предание, необходимо, чтоб человечество окончательно очеловечилось, а когда это будет? И вот перед еврейским племенем стоит новая мучительная перспектива: ждать окончательного очеловечения человечества.

Перспектива тем более безнадежная, что в союзе с преданием против еврейского племени действуют и несознанные капризы расовых темпераментов. Эти капризы, переходя из поколения в поколение, в свою очередь образуют предание, столь же компактное и не менее преисполненное всякого рода баснословий, как и основная²⁶ легенда о несмываемом еврейском клейме. И образ жизни еврея, и внешняя его складка, его манера говорить, ходить, одеваться — все дает пищу для неосмысленной досады, которая проявляется тем беспрепятственнее, что выражение ее всегда сопровождается безнаказанностью. Никто так мастерски не боится, никто не создал для себя такого странного внешнего облика, как еврей. Еврей самый почтенный внешним видом напоминает подростка, путающегося в отцовских штанах. Для темной массы этого вполне достаточно, чтоб иметь под рукою неистощимый источник всевозможных потех и издевок. Никому нет дела до причин, породивших «странности», в глазах мечется грубый факт, который заслоняет и проклятое прошлое, и мучительную обстановку настоящего²⁷. Смешной лампсердак, нелепые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая усидеть на месте, — вот все, что нужно[?], чтоб возмутить инстинкты темперамента²⁸. Еврей и ходит не так, как люди, и говорит не так, как люди, и смотрит не так, как люди. От еврея — пахнет, еврей не смотрит, а глаза у него бегают; он не живет, а блудит. А как смешно и даже гнусно он говорит!

— Что, еврей, делаешь?

— Музицка шашу!²⁹

То ли дело Дерунов с Разуваевым! Те прямо отчеканят: сосу мужичка — и шабаш. И правильно, и для потехи резонов нет: слушай и трепещи!

Давно ли власть имеющие лица резали у евреев пейсы и снимали с них лампсердаки? Давно ли, как лакомство, выслушивались рассказы о

веселонравных военных людях, ездивших на евреях и верхом, и в экипажах, занимавшихся травлей их и не знавших других [удовольствий?] кроме одного: подстерегать евреев с всевозможными членовредительными сюрпризами и покатываться со смеху при виде смешного ужаса, который является естественным последствием сюрприза. И что же! все это прошлое не только не [перестало быть прошлым] изменило своей сущности, но пропаганда еврейской травли пошла даже далее⁸⁰. Ужели все это ради того, что еврей носит смешной лампсердак, нелепые пейсы и производит «шашу» вместо «сосу»?⁸¹ Говорят, будто выражение «музицка шашу» представляет девиз, которым определяются отношения всякого еврея к окружающей среде. Но в таком случае какое же дать толкование выражению «сосу мужичка», которое на практике имеет отнюдь не менее обширное применение? По существу они оба одинаково подлы⁸², а в практическом применении тоже одинаково доступны не всякому, а только могущему вместить. Сосать мужичка⁸³ очень лестно, но для этого нужно иметь случай, сноровку, талант. Дерунов и Разуваев сосут, но Малявкин и Козьякин — не сосут. Первые обладают всеми нужными для сосания приспособлениями, вторые, напротив, так устроены, что сами представляют несомненно удобства для беспрепятственного сосания⁸⁴.

И Дерунов, и Разуваев отлично это понимают и как организмы более сильные всегда сумеют оттереть от лакомого блюда организмы менее сильные. Точно тот же закон обязателен и относительно евреев. И между ними правом лакомиться пользуются только сильные организмы, а Малявкины и Козьякины точно так же, как и в предыдущем примере, пользуются только правом представлять собой материал для сосания. Вся разница в том, что Дерунов называет сосомого Малявкина «крестником»⁸⁵ и [уверяет, что он его «человеком» сделать хочет] не чуждается при этом прибаутки вроде: по-милу да по-божедки» или «ты — за меня, я — за тебя, а бог за всех». А еврей-Дерунов сосет серьезно, без прибауток. Возьмет «музицка» двумя пальцами, пососет и скорлупку выплюнет; потом возьмет другого «музицка» и опять скорлупку выбросит⁸⁶. И никакого разговора по душе при этом не бывает, кроме самой простой [нрзб.]: «шаша мне, ежели мозесь!»

— То-то, Давид Саулыч, что не приловчились еще мы!

— И ежели же не мозесь — тогда я тебе шашу!

И шабаш⁸⁷.

Повторяю: и в том и другом случае сосущими[?] являются Разуваевы, каждый со свойственными соответствующей национальности ухватками⁸⁸. Но как для русского народа Разуваев не может служить определяющим типом, так точно было бы несправедливо это допустить и относительно еврейского племени⁸⁹. Но для еврея-Разуваева есть даже смягчающее обстоятельство: он очень часто⁹⁰ сосет вообще. Как только еврей-Разуваев начинает насасываться, так тотчас же налетает ревизия: «показывай, жид, что у тебя в потрохах есть? И всякий, кому не лень, берет по рассмотрению часть. «Вот это — мне, это — мне, а это — также мне»⁹¹.

Много ли останется? И какую нужно иметь силу воли, или какую удачу, чтобы, претерпев все ревизии, благополучно вынырнуть в мире концессий и банкирских гешефтов и там, сбросивши с себя узы еврейства, кормить обедами тайных советников, а некоторых из них иметь даже в услужении...⁹² Что мы знаем об еврействе, кроме концессионных безобразий и проделок евреев-арендаторов и евреев-шинкарей? Имеем ли мы хоть темное понятие о той бесчисленной массе евреев-мастеровых и евреев-мелких торговцев, которая кишит в грязи жидовских местечек и неистово плодится, несмотря на вечно-присущую угрозу голодной смерти? Испу-

ганные, доведшие свои потребности до минимума, эти люди ничего не просят, кроме забвения и безвестности, а им дают поругание...

Какое зверское [нрзб.] повести!

Даже в литературу нашу только недавно начали проникать лучи, освещающие этот воистину агонизирующий мир. Да и теперь едва ли можно указать на что-нибудь подходящее, исключая прелестного рассказа г-жи Оржешко «Могучий Самсон». И те, которые пожелают узнать, сколько симпатичного таит в себе это племя к какой страшная трагедия тяготеет над ним⁴³, — пусть обратятся к этому рассказу, каждое слово которого дышет правдой. Наверное, они задумаются⁴⁴, и задумаются в самом лучшем, человеческом смысле этого слова⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В обеих публикуемых здесь рукописях — «Post-scriptum» и «Июльские размышления» — выпущена часть (меньшая), не связанная с интересующей нас темой.

² Рукопись «Post-scriptum» начинается словами: «Вы чересчур уж требовательны, милая тетенька!»

Написано, как обычно у Щедрина, в два столбца, направо текст, налево поправки. На левом столбце кроме того карандашом: 1) цифровые расчеты, 2) программа очерка, повидимому набросанная в начале писания. Находим следующие записи:

Околот[очный]

Если [тоже] так спроси.

Я Ваш[ество] завсег[да] лучше спрош[у]

Компрометируется общ[ество?] шпион

Дерунов сосет и человеком делает.

Еврей сосет и скорлупки бросает

Сцена из евр[ейского] быта.

³ Верхний правый угол второго листа оборван. Приводим в начале сохранившиеся обрывки фраз.

⁴ Рукопись «Июльские размышления» сначала также была озаглавлена «Post-scriptum», но затем это первоначальное заглавие было зачеркнуто.

Написана она тем же обычным у Щедрина способом, что и первая рукопись.

Мы производим сравнение «Июльских размышлений» с печатной (журнальной) редакцией, озаглавленной «Июльское веяние».

Дополнения, сделанные М. Е. Салтыковым в журнальном тексте, как и все вообще разночтения, даны здесь в подстрочных примечаниях, при чем оставлены в стороне мелкие разночтения стилистического характера, не имеющие значения для уяснения интересующего нас вопроса.

⁵ В журнальном тексте: «наделавший было изрядного переполоху...»

⁶ В журнальном тексте: «Вероятно это какая-нибудь невзначай уцелевшая комиссия доскробывает свою последнюю песню».

⁷ В журнальном тексте: «О необходимости практического ее применения. Но, к удивлению, эти толки более смущали нежели радовали».

⁸ В журнальном тексте: «Прцветание наук, промышленности, искусств, литературы, общее довольство, обеспеченность и доверие — вот в нескольких словах программа «народной политики». Ясно, что такого рода явление в глазах всякого здравомыслящего человека может быть только желательным».

⁹ В журнальном тексте: «У нас, вследствие укorenившейся привычки говорить псевдонимами, понятия самые простые и вразумительные получают загадочный смысл».

¹⁰ В журнальном тексте: «Но нельзя сказать, чтобы с успехом».

¹¹ В журнальном тексте: «Но она всегда продавала шкуру медведя, не убивши его».

¹² В журнальном тексте: «Не весьма умный помещик, огорченный крестьянской реформой и начитавшийся...»

¹³ В журнальном тексте: «Стесняясь еврейской назойливостью и видя, что тут ничего не поделаешь ни «жизнью духа», ни «духом жизни», ни даже «оздоровением корней», они избрали легчайший путь».

¹⁴ Эта фраза не вошла в журнальный текст.

¹⁵ В журнальном тексте: «До такой степени остались, что даже на днях я видел: ходит еврей у нас по дачам, как будто полотно продает, а сам подслушивает, не наклеивается ли где-нибудь революции — точь в точь как полноправный русский гражданин!»

¹⁶ Эта фраза не вошла в журнальный текст.

¹⁷ В журнальном тексте: «...и во-вторых, совершенно произвольное представление

об еврейском типе на основании образцов, взятых не в трудящихся массах еврейского племени, а в сферах более или менее досужих и эксплуатирующих».

¹⁸ В журнальном тексте вместо «более омерзительное» — «более бессовестное».

¹⁹ В журнальном тексте: «Это обыкновенные гулящие люди (многие называют их «татами», но я не вижу надобности следовать этой терминологии), члены той международной аффилиации гулящих людей, в которую каждая национальность вносит свой посильный вклад».

²⁰ Слова «несколько более резкие, чем у француза, англичанина, немца» не вошли в журнальный текст.

²¹ Вся эта фраза отсутствует в журнальном тексте.

²² Слова «покоясь на постели, приобретенной на всемирной выставке» не вошли в журнальный текст.

²³ В журнальном тексте: «племя, однажды сознавшее себя племенем, никогда добровольно не налагает на себя рук».

²⁴ В журнальном тексте: «Задача настолько сложная, что даже люди очень убежденные отступают перед нею».

²⁵ В журнальном тексте: «Да и кто всего упорнее хранит эти предания? — их хранит толпа, которая сама насквозь пропитана злостью и в отношении которой всякий укор был бы несправедливостью и всякое решительное воздействие — делом в высшей степени щекотливым».

²⁶ В журнальном тексте: «Как и изукрашенная веками легенда».

²⁷ В журнальном тексте: «И презренную обстановку настоящего».

²⁸ Слова «вот все что [...] чтобы возмутить инстинкты темперамента» отсутствуют в журнальном тексте.

²⁹ В журнальном тексте: «А как смешно и даже гнусно он шепелявит!

— Что, еврей, губами мнешь?

— Дурака шашу!»

³⁰ В журнальном тексте: «И что же! разве это прошлое так и кануло в вечность? — Нет, оно только видоизменило формы, а сущность передало неприкосновенную».

³¹ В журнальном тексте эта фраза опущена.

³² В журнальном тексте: «Одинаково омерзительны».

³³ В журнальном тексте: «Сосать простеца или «дурака» (он же рохля, ротозей, мужик и проч.)».

³⁴ В журнальном тексте: «Дерунов и Колупаев — сосут, а Малявкин и Козьявкин, хоть и живут с ними по соседству, не сосут. Первые обладают всеми нужными для сосания приспособлениями, вторые — теми же приспособлениями обладают наоборот».

³⁵ В журнальном тексте: «Вся разница в том, что коренной Дерунов, присасываясь к Малявкину, называет его «крестником»...»

³⁶ В журнальном тексте вставка: «Ужасно видеть это серьезное выплевывание скорлупок, но, право, и прибаутки слушать не слаще».

³⁷ Всего этого места, начиная со слов «и никакого разговора по душе», в журнальном тексте нет.

³⁸ Эта фраза отсутствует в журнальном тексте.

³⁹ В журнальном тексте: «А Разуваева-еврея непременно навяжут всему еврейскому племени и будут при этом на все племя кричать: ату!»

⁴⁰ В журнальном тексте: «Он чаще всего...»

⁴¹ В журнальном тексте эта фраза опущена.

⁴² В журнальном тексте большая вставка: «Почему же, однако, мы с такою легкостью отождествляем еврея сосущего с евреем не-сосущим, почему мы так [охотно] вымещаем на последнем досаду, которую пробуждает в нас первый? Не потому ли, что сосущий еврей есть сила, за которую скрывается еще сила, и даже не одна, а целый легион? Весьма вероятно, что в этом предположении есть очень значительная доля правды, хотя это и не приносит особенной чести нападающей стороне. Но во всяком случае в бесчеловечной путанице, которая на наших глазах так трагически разыгралась, имеет громадное значение то, что нападающая сторона относительно еврейского вопроса ходит в совершенных потемках, не имея никаких твердых фактов, кроме предания (нельзя же в самом деле серьезно преследовать людей за то, что они носят пейсы и неправильно произносят русскую речь!»).

⁴³ В журнальном тексте: «Сколько симпатичного таит в себе замученное еврейство и какая неистовая трагедия тяготеет над его существованием».

⁴⁴ В журнальном тексте: «Наверное это чтение пробудит в них добрые, здравые мысли и заставит их задуматься...»

⁴⁵ В журнальном тексте следующее окончание: «Знать — вот что нужно прежде всего, а знание несомненно приведет за собой и чувство человечности. В этом чувстве, как в гармоническом целом, сливаются те качества, благодаря которым отношения между людьми являются прочными и доброкачественными. А именно: справедливость, сознание братства и любовь».

Этим пожеланием я и заканчиваю мою настоящую беседу с читателем».

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС¹

Реакция начала 80-х годов нашла между прочим свое выражение в волне еврейских погромов, прокатившейся по всему югу и юго-западу России главным образом весной 1881 и 1882 г. Погромы эти проходили не только при полном попустительстве местных властей, но были санкционированы властями высшими — и прежде всего министром внутренних дел графом Н. П. Игнатьевым.

При Игнатьеве же были изданы 3 мая 1882 г. пресловутые «Временные правила» о евреях, согласно которым последние лишались права селиться, а также приобретать и брать в аренду недвижимые имущества вне городов и местечек черты оседлости и т. д.

Будучи официально мотивированы желанием предохранить коренное население от «еврейской эксплуатации», эти «Временные правила», которых пагубное действие на экономическое положение еврейских масс не замедлило обнаружиться, были призваны, по выражению одной газеты, «дорешить» еврейский вопрос, поднятый на площадях Елисаветграда, Киева, Балты...²

Еврейский вопрос не сходил со столбцов всей тогдашней периодической печати, почти всегда подвергаясь искаженным толкованиям, притом не только в печати реакционной. И если травля евреев Аксаковыми и Суворинными не может являться для нас неожиданностью, ибо она была логически-необходимым звеном в общей цепи их мировоззрения, то, с другой стороны, отнюдь не случайным был и сочувственный взгляд народнической печати на погромное движение. Таковой взгляд всецело вытекал из реакционно-утопической, мелко-буржуазной основы народничества. Укажем на подпольную печать «Народной воли», рассматривавшую погромы, как средство развязать стихию революции³. Укажем и на легальные «Отечественные Записки». Правда, здесь помещаются такие произведения, как рассказ Э. Ожешко «Могучий Самсон», на который впоследствии будет ссылаться Салтыков, но более характерны для журнала такие, как статья Южакова «Еврейский вопрос в России», где доказывается существование специфически-еврейской эксплуатации. Отличительной чертой этой эксплуатации, по Южакову, является «замкнутость, отчужденность, общая междуеврейская солидарность, жестокое отношение их (т. е. евреев) к не-евреям». «Эксплуатация разлилась повсюду,— говорится далее в этой статье,— но союз для эксплуатации существует только между евреями...» Наконец, «если дело продолжится так,— предсказывает Южаков,— то действительно наибольшая часть капиталов не только южного и западного края, но и всей России сосредоточится в руках евреев»⁴.

Можно было бы привести еще целый ряд примеров, характеризующих общую постановку еврейского вопроса и в частности отношение к нему народнической журналистики, но и приведенного достаточно.

В этих условиях появление в «Отечественных Записках» (в августовской книжке 1882 г.) статьи М. Е. Салтыкова «Июльское веяние» было чрезвычайно знаменательно. Это было поистине свежей, живой стрелой в затхлой атмосфере травли, активной и пассивной вражды и упорного непонимания еврейского вопроса. Салтыков прежде всего разрушает легенду о сплошном эксплуататорстве еврейства. Он едва ли не первый ставит вопрос классово дифференцированно. Нет единой, классово однородной еврейской массы, а есть евреи-Деруновы и евреи-Малаявкины. «Тот же самый закон имеет силу и в еврейской среде», элементарно разъясняет Салтыков. И проводя четкую грань между еврейской буржуазией и еврейской беднотой, Салтыков решительно становится на защиту последней.

А хищническую буржуазию эпохи «первоначального накопления» Салтыков ненавидит и безжалостно бичует — «невзирая на нации». В ряде его произведений перед нами проходит целая галерея типов финансистов, мироедов, концессионеров и тому подобных паразитов и «гулящих людей». Здесь наряду с «коренными» показаны греки, евреи и др. И в сатирическом изображении этой буржуазии Салтыков вскрывает ее эксплуататорскую сущность, единую при всем национальном многообразии отдель-

ных ее носителей. В «Июльском веянии» дается уже и прямая формулировка этой мысли об интернациональном характере буржуазии, когда говорится о «международной аффиляции»⁶ «гуляющих людей», в которую каждая нация вносит свой посильный вклад». Перед лицом Капитала — «несть эллин, ни иудей!» И если «эллин» или «иудей» выделяется своими «ухватками», по выражению Салтыкова, и некоторыми особенностями своего произношения, то во всяком случае не они — это произношение и эти ухватки — являются объектом острой и злой щедринской сатиры⁷.

Если мы под таким углом зрения подойдем к Щедрину, то мы у него конечно не найдем ничего такого, что было бы направлено против той или иной нации, как таковой, в частности против евреев. И мы должны поэтому признать несостоятельными все те упреки в антисемитской тенденции отдельных произведений или, точнее, отдельных мест в произведениях Салтыкова, которые делались в разное время по его адресу. В частности основанием для такого рода упреков неоднократно служила сказка «Пропаала совесть», в которой один из критиков например считает «несомненным пятном... изображение еврейской семьи, где малолетние дети совершают в уме банкирские операции...» «Салтыков,— продолжает этот критик,— должен был конечно воздержаться от этой фальшивой и несправедливой сатиры на ребенка чужой национальности»⁸.

Это рассуждение порочно потому, что не учитывает самого основного: в сказке изображена не «еврейская семья», а еврейская капиталистическая семья, и сатирическое острие направлено не против «ребенка чужой национальности», а против ребенка из буржуазной семьи, вернее против той социальной среды, которая питает и вырашивает его. Это между прочим косвенно подтверждается характеристикой восьмилетнего Démétrius'a, сына купца первой гильдии Ивана Онуфрича Хрептюгина (в «Губернских очерках»). Приведем это место: «...Сыздетства головку его обуревают разные экономические операции и хотя не бывает ни в чем ему отказа, но такова уже младенческая его жадность, что, даже насытившись до болезни, все о том только и мнит, как бы с отческого стола стащить и под комод или под подушку на будущие

«РУССКИЙ НА ГРОМООТВОДЕ»

Немецкая карикатура на политическую тактику самодержавия, стремившуюся в военных авантюрах найти «громоотвод» от революции

Рисунок из журнала «Kladderatsch»

1878 г., № 20

времена сохранить. К изучению французского языка и хороших манер не имеет он ни малейшего пристрастия, а любит больше смотреть, как деньги считают...»⁹

Здесь аналогия с десятилетним «Рувимом Самуиловичем», совершавшим в уме банковские операции, напрашивается сама собою.

С другой стороны, какие сочувственные слова умеет находить Салтыков, когда речь идет о еврейском ребенке (как таковом)! Критикуя в «Мелочах жизни» состояние школы, над которой «тяготееет нивелирующая рука циркуляра», он пишет: «Мало того: при самом входе в школу о всяком жаждущем знания наводится справка: дворянин или мещанин? Какого вероисповедания: православный, католик или, наконец, еврей? Для последних в особенности школа — время тяжелого и жгучего испытания. С юношеских лет еврей воспитывает в себе сердечную боль, проходит все степени неправды, унижения и рабства. Что же может выработаться из этого в будущем? Нет ли общей для всех справедливости, ни признания человеческой личности, ни живого слова... Что может дать такая школа?»¹⁰

Возвращаясь к сказке, повторяем еще раз: совершенно недопустимо перенесение в ней центра тяжести с плоскости социально-классовой в плоскость национальную. Мы имеем в этой сказке отнюдь не противопоставление еврея не-еврею (притом невыгодное для первого — в таком только случае и можно было бы говорить об антисемитизме), а противопоставление совершенно другого рода: старого строя, основанного на эксплуатации, с его представителями — капиталистами, полицейскими охранителями и неизбежными пропойцами, — строю грядущему, социалистическому, в котором «исчезнут все неправды, коварства и насилия» и в котором «будет распоряжаться совесть...»

Другое произведение Салтыкова, вызвавшее в свое время те же обвинения в антисемитизме, это «Дневник провинциала в Петербурге».

В IX главе «Дневника»¹¹, в которой ярко показана механика биржевой игры на повышение и понижение курса и вообще дано классическое изображение биржевого агента, выведены типы акционеров — Гершка Зальцфиш, Иерухим Хайкл и др., при чем несколько раз их называют «пархатыми жидами», а в одном месте обронена фраза о «старинной ненависти их к христианству» и т. д.

Когда эта глава была напечатана в журнале (за подписью «М. М.»), в «Вестнике Русских Евреев» появилось открытое письмо Н. А. Некрасову (как редактору журнала), в котором автор — М. Хволос — возмущается «бранью на целую нацию в такой грубой форме», с тоской вспоминает про знаменитый «Литературный протест» против антисемитской выходки «Иллюстраций» в 1858 г. и скорбит по поводу «упадка нашей прессы». «Нам было особенно больно и обидно, — говорится далее в письме, — встретить в этом «Дневнике» такую грубую ни к селу, ни к городу, даже в прямой ущерб общей связи сатирической мысли, пригнанную брань, что по некоторым литературным приемам, развязности и резкости стиля, а подчас бесспорно своеобразному едкому юмору, в нем чувствуется как бы сатирическое перо г. Щедрина»¹².

Салтыков ответил на это письмо в февральской книжке «Отечественных Записок» 1873 г., в подстрочном примечании к напечатанному там очерку «В больнице для умалишенных». В этом очерке, который мыслится Салтыковым как продолжение «Дневника провинциала» (Салтыков имел в виду начать новый, однако не осуществившийся цикл), выводится помешанный Гольденштейн, мечтавший о возрождении евреев путем захвата ими всех банков и кабаков и усиления эксплуатации мужика. В примечании к этому месту Салтыков пишет, отвечая Хволосу, следующее: «этот-то высокочтимый деятель обвиняет меня в «развязности», т. е. в таком качестве, к которому я сам всегда относился неодобрительно! Оказывается, однако ж, что г. Хволос, бросая в меня своим обвинением, сам поступает с развязностью поистине прискорбною. Оказывается, что он, читая «Дневник», не понял самого главного: что я веду «Дневник» от третьего лица, которого мнения суть в выражение мнений толпы, а отнюдь не моих личных». И дальше Салтыков вновь повторяет: «все, описываемое в «Дневнике», относится исключительно к тому вымышленному лицу, от которого он ведется»¹³.

Таким образом Салтыков этим простым разъяснением совершенно определенно и в категорической форме отводит все обвинения его в антисемитизме.

К этому заявлению Салтыкова мы можем сделать лишь следующее дополнительное разъяснение.

В «Дневнике провинциала» — в плане интересующего нас вопроса — следует различать два момента: с одной стороны, здесь показана трактовка еврея как эксплуататора и едва ли не грабителя («Ведь жида уже наверное ограбили бы!») — трактовка, являющаяся «выражением мнений толпы», которых конечно Салтыков не приемлет, как не приемлет он и всех прочих мнений и взглядов героев «Дневника провинциала» и самого «провинциала». Против этой трактовки, основанной на смешении понятий «народа» и «класса», Салтыков впоследствии блестяще выступит со специальной статьей. С другой стороны, на материале «Дневника» дан сатирический показ биржевиков-евреев — на фоне сатирического изображения биржевого ажиотажа вообще, — что уже является выражением отношения самого Салтыкова.

И нет никаких оснований требовать от всеохватывающей и беспощадной щедринской сатиры пощады именно для капиталиста-еврея. А упрекать Салтыкова за сатиру на евреев-концессионеров, биржевиков и т. п., расширительно толкуя ее как сатиру на евреев вообще, — это, в сущности, тот же антисемитизм... наизнанку.

Новый — высший — этап в развитии взгляда М. Е. Салтыкова на еврейский вопрос связан с позорными годами погромов (1881—1882). Это было время, когда широкие еврейские массы распахивались за грехи эксплуататоров евреев и не-евреев, одновременно оказавшись жертвой реакционной политики правительства. Необходимо было поднять голос в защиту этой массы. И Салтыков выступает со статьей «Июльское веяние», о которой мы уже упоминали выше и к более детальному рассмотрению которой мы переходим¹⁴.

Сохранилось две черновых редакции этой статьи¹⁵. Сравнительный анализ обеих этих редакций, которые мы здесь публикуем, а также сопоставление их с журнальным текстом статьи, являющимся окончательным, дают нам интересный материал, показывающий, как подходит Салтыков к теме, как в процессе работы отдельные стороны вопроса все больше для него проясняются, как наконец уточняются терминология и отдельные формулировки.

Уже в плане, набросанном карандашом на полях первой рукописи, дана первоначальная наметка темы, которую Салтыков пытается затем (в 1-й редакции) реализовать.

«Дерунов сосет и человеком делает.

Еврей сосет и скорлупки бросает».

И дальше, уже в тексте рукописи, устанавливается то различие между Деруновым и евреем, что у первого «процесс сосания» идет «по-милу», «по-божецки» и сочетается с «воспитательной практикой», а второй не воспитывает, «человеком» не делает: «Он просто возьмет «музицка» двумя пальцами, пососет и скорлупку выбросит».

Сделать «человеком» на языке Дерунова означает не что иное, как сделать способным к такому же сосанию других. И Дерунов — в первой редакции — оказывается настолько хорошим «воспитателем», что «воспитанник», т. е. мужичек, объект его эксплуатации («сосания»), в конце концов начинает «посасывать» его самого.

Все это рассуждение, как бы стирающее классовые грани (эксплуатируемый легко превращается в эксплуататора) и плохо увязывающееся с реальной действительностью, является конечно неудачным. И мы видим, что во второй редакции оно Салтыковым отвергнуто. Само же сопоставление Дерунова и еврея сохранено во второй редакции. Но здесь это сделано с четкостью и ясностью, не вызывающей никаких недоразумений. Здесь дана в своем роде классическая формулировка различия между двумя национальными типами эксплуататора, т. е., другими словами, устанавливается, что по существу никакого различия нет.

«Вся разница в том, что Дерунов называет сосомого Малявкина «крестником» и не чуждается при этом прибаутки... А еврей-Дерунов сосет серьезно, без прибауток»¹⁶.

Чрезвычайно важно отметить, что в этой редакции употребляется уже не общий

термин «еврей», а классово определенный «Дерунов-еврей». Это уточнение было тем более необходимо для Салтыкова, что сам же он протестует против отождествления еврея-эксплоататора с евреем вообще.

«Говорят будто выражение «музицка шашу» представляет девиз, которым определяются отношения всякого еврея к окружающей среде. Но в таком случае, какое же дать толкование выражению «сосу мужичка», которое на практике имеет не менее обширное применение?»

Все эти улучшения вошли в окончательный текст с небольшими лишь стилистическими разночтениями.

В первой редакции мы находим еще одно место, не вошедшее во вторую редакцию. «Но кроме «божедких разговоров» есть и еще разница.— Дерунов обыкновенно выходит на промысел в одиночку... Напротив того, еврей сосет целым родом».

Это рассуждение, уводящее в сторону от существа вопроса и само по себе неверное, свидетельствует о том, что Салтыков не сразу нашел нужную формулировку.

И Салтыков отказался от него во второй редакции к несомненной выгоде ее.

О предании (подразумевается евангельское) и о расовом темпераменте, играющих роль в еврейском вопросе, Салтыков говорит как в первой, так и во второй редакции, но в первой выдвигается значение темперамента, а во второй — предания. Во второй редакции наряду с этим подчеркивается еще один момент, быть может наиболее характерный для салтыковской концепции еврейского вопроса, — это его указание на «полное незнакомство с массой еврейского племени (представителями которого выдают себя индивидуумы, действительно не возбуждающие симпатии)»¹⁷.

В журнальном тексте это выражено определеннее. Здесь вещи уже названы их классовыми именами. Вот это место: «...совершенно произвольное представление об еврейском типе на основании образцов, взятых не в трудящихся массах еврейского племени, а в сферах более или менее досужих и эксплуатирующих».

В дальнейшем изложении Салтыков эту мысль конкретизирует еще более:

«Что мы знаем об еврействе, кроме концессионных безобразий и проделок евреев-арендаторов и евреев-шинкарей? Имеем ли мы хоть темное понятие о той бесчисленной массе евреев-мастеровых и евреев-мелких торговцев, которая кишит в грязи жидовских местечек и неистово плодится, несмотря на вечно присущую угрозу голодной смерти? Испуганные, доведшие свои потребности до минимума, эти люди ничего не просят, кроме забвения и безвестности, а им дают поругание».

Концовку печатного текста (в обеих рукописях она отсутствует) Салтыков посвящает тезису о спасительной роли знания, о знании как предпосылке человечности. Тезис этот типично просветительский. Но мы тут же должны оговориться относительно того содержания, которое Салтыков вкладывает в понятие «знание» (и «образование»), — во всяком случае здесь, в данной статье. Говоря в одном месте статьи о цепкой силе предания, Салтыков продолжает:

«Даже поднятие общего уровня образованности, как это показывает современное антисемитское движение в Германии, не приносит в этом вопросе осязательных улучшений, потому что до сих пор мы были свидетелями только относительного поднятия этого уровня, которое не обладает достаточной силой для водворения принципа абсолютного равноправия. Следовательно, чтобы упразднить предание, необходимо, чтобы человечество окончательно очеловечилось»¹⁸.

Салтыков здесь же проводит грань между относительным поднятием культурного уровня («которое не обладает достаточной силой...») и окончательным очеловечением человечества. А «окончательное очеловечение человечества» — это у Салтыкова не что иное, как цензурное обозначение грядущего социалистического общества. Здесь речь идет уже не просто о «знании». «Чтобы упразднить предание, необходимо, чтобы человечество окончательно очеловечилось». Другими словами, лишь в социалистическом обществе возможно полное уничтожение власти религиозных и всяких иных предрассудков. Относительное же знание в рамках эксплуататорского обще-

ства бессильно. Мы видим следовательно, что в этом случае, как и во многих других, Салтыков частично выходит за пределы просветительской идеологии.

Необходимо остановиться еще на некоторых разночтениях журнального текста по сравнению со второй редакцией. В большой вставке, которую Салтыков делает в журнальном тексте, он задает себе вопрос: «Почему же, однако, мы с такою легкостью отождествляем еврея сосущего с евреем не сосущим?.. Не потому ли, что сосущий еврей есть сила, за которою скрывается еще сила, и даже не одна, а целый легион?» Можно предполагать, что здесь мы имеем отклики на статью Южакова, выдержки из которой мы приводили выше. И хотя Салтыков допускает, что «в этом предположении есть очень значительная доля правды», он тут же оговаривается, что это все же «не приносит особой чести нападающей стороне». И вновь оговаривается насчет бездоказательности всех антиеврейских обвинений:

«Нападающая сторона относительно еврейского вопроса,— пишет он,— ходит в совершенных потемках, не имея никаких твердых фактов, кроме предания...»

Далее. По поводу травли евреев Салтыков вспоминает рассказы о «веселонаравных военных людях, ездивших на евреях» и издевавшихся над ними,— рассказы, которые «выслушивались как лакомство». И Салтыков задает вопрос (в журнальном тексте): «Разве это прошлое так и кануло в вечность? — нет, оно только видоизменило формы...»

Это все та же очень часто встречаемая у Салтыкова и характерная для него мысль о том, что с падением крепостного права отнюдь не исчезли крепостные нравы и что старое продолжает жить, хотя и под новой внешностью...

Тут же напомним, что уже в «Губернских очерках» выведены офицеры, среди которых «производят неотразимый эффект... рассказы о том, как офицер тройку жидов загнал», и т. д.

Наконец, говоря о пресловутых «народных политиках», которые «попробовали применить к постылым евреям тот же летательный процесс, какой был применен «диким помещиком» к постылым мужикам», Салтыков продолжает: «И точно, поднялся вихрь, но... улетели народные политики, а евреи остались». В этом месте в журнальном тексте сделана интересная вставка: «До такой степени остались, что даже на-днях я видел: ходит еврей у нас по дачам, будто олоотно продает, а сам подслушивает, не наклеивается ли где-нибудь революция—точь в точь как полноправный русский гражданин!»

В этой вставке Салтыков иронизирует по поводу того, что для целей борьбы с революцией реакция прибегает и к евреям-шпионам и что лишь в роли шпиона осуществляется полнота «прав» русского гражданина...

Касааясь статьи в целом, надо сказать, что она была одним из самых замечательных публицистических выступлений Салтыкова. Разграничение еврея-трудящегося и еврея-эксплоататора, требование более близкого знакомства с положением трудящихся масс евреев, а также то страстное негодование, которое прекрасно сочетается у Салтыкова с беспристрастностью анализа,— все это остается огромной заслугой его.

Конечно салтыковская концепция еврейского вопроса, поскольку она изложена в его статье, с нашей точки зрения может быть подвергнута критике.

Здесь не дано социально-экономического анализа вопроса, не вскрыты исторические причины, приведшие к специфической экономической роли значительной массы евреев, слишком подчеркивается значение расового и религиозного факторов и т. д.

Но и то, что дано здесь, достаточно свидетельствует о том, насколько Салтыков возвышался над окружающей его народнической средой, сохранив верность принципам радикального демократизма 60-х годов. Воинствующая литературная реакция не могла простить Салтыкову его смелого выступления и с пеной у рта говорила о нем как о «раздутым еврейскими перьями в первоклассную знаменитость», обвиняя его в заигрывании с еврейским вопросом и т. д. и т. п. И это лишний раз доказывает то большое общественно-политическое значение, которое имела статья Салтыкова в то время. И конечно не случайно, что у либерала Тургенева, несмотря даже на специальное к нему обращение с мольбой о защите, нехватало смелости на подобное выступление¹⁹.

После «Июльского вейяния» Салтыков вновь затрагивает еврейский вопрос в XXV

и XXVI главах «Современной идиллии», появившихся в «Отечественных Записках» в 1883 г. (в майской книжке).

В известном смысле эти главы «Современной идиллии» являются художественной иллюстрацией к «Июльскому веянию».

Как в «Июльском веянии», тут дано сравнение эксплуататора-еврея с коренными эксплуататорами — Астафичем, Финагенчем и Прохорычем, «которые тем легче отбили у наглого пришельца сосательную практику, что умели действовать и калякать с мужичком «по душе» и «по-божеушки». Это совпадение даже отдельных выражений лишний раз подтверждает близкое родство «Современной идиллии» с «Июльским веянием».

Еврейский вопрос — да и национальный вопрос вообще — может служить в известном смысле пробным камнем, позволяющим нам более точно определить общественную природу, общественно-политическое «я», «нутро» того или иного деятеля.

В этом смысле ознакомление с отношением к еврейскому вопросу данного художника, публициста, политика чрезвычайно поучительно.

Более близкое ознакомление с салтыковским наследием в этом вопросе дополняет новым ценным штрихом его общественно-политический портрет и новой, прочной нитью связывает великого сатирика с нашей современностью.

О. Спектор

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа была зачитана в Щедринском семинаре аспирантов Ленинградского историко-филологического-лингвистического института (руководимом Н. В. Яковлевым).

² «Недельная Хроника Восхода» 1883, № 9.

³ Некоторыми членами Исполнительного комитета «Народной воли» была даже составлена погромная прокламация «К украинскому народу», правда не получившая распространения.

⁴ «Отечественные Записки» 1880, декабрь.

⁵ «Отечественные Записки» 1882, май.

⁶ Подчеркнуто мною. — О. С.

⁷ Это косвенно именно тем и подтверждается, что у Щедрина мы находим воспроизведение особенностей произношения как «эллина», так и «иудея», т. е., другими словами, — всех без разбору национальностей, представители которых выступают на страницах его произведений, а не какой-либо одной из них.

См. например особенности произношения итальянца (Корподибакко), грека (Ари-стида Фемистоклыча) в «Дневнике провинциала», и т. д., и т. п.

⁸ М. Е. Салтыков, Сказки. Под ред. Л. Гроссмана. ГИЗ, 1926.

См. вступительную статью редактора. См. также отклик М. С. Ольминского на эту статью в его сборнике «Статьи о Щедрине» 1930, стр. 51—53.

⁹ Салтыков (Щедрин). Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. III, стр. 141.

¹⁰ Салтыков (Щедрин). Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. IV, стр. 265—266.

¹¹ Напечатана в ноябрьском номере «Отечественных Записок» за 1872 г. В отдельном издании «Дневника», а также в Собрании сочинений Салтыкова эта глава обозначена X.

¹² «Вестник Русских Евреев» 1872 г., № 24.

¹³ «Отечественные Записки» 1873, № 2, отд. II, стр. 360. (Подчеркнуто мною. — О. С.)

¹⁴ «Июльское веяние» было напечатано в «Отечественных Записках» 1882 г.; вошло в цикл «Недоконченные беседы» (гл. VI).

¹⁵ В первой редакции статья озаглавлена «Post-scriptum», во второй — «Июльские размышления».

¹⁶ Интересно отметить большую близость этого сравнения с другим сравнением, которое мы находим в журнале «Дело», в статье Ленского «Еврей и кулак»:

«Еврей может как угодно надуть и обобрать крестьянина, — говорится в этой статье, — но дальше его кармана он не заглядывает. Кулаку же одной материальной шкурки мало, ему нужна еще нравственная» («Дело» 1881, сентябрь).

¹⁷ Вторая половина фразы в рукописи зачеркнута. Этими словами Салтыков метил вероятно в какого-нибудь С. С. Полякова (известного финансиста и железнодорожного деятеля), якшавшегося с Катковым и «представлявшего» еврейство в реакционных сферах. Очевидно он действительно «не возбуждал симпатий» Салтыкова (см. например письмо Салтыкова к Тургеневу от 9/VI 1882 г. «Письма» под редакцией Н. В. Яковлева, ГИЗ, 1924, стр. 224).

¹⁸ Эти слова Салтыкова о Германии, написанные 50 лет назад, особенно актуальны в наши дни.

¹⁹ Имеется прямое указание, что Тургенев опасался упреков со стороны реакционных кругов в подкупе евреями (см. «Недельная Хроника Восхода» 1883, №№ 35 и 40).